

КОРПОРАЦИЯ «СКАМ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БОРИС ЭШ

18+

БОРИС ЭШ
Корпорация обмана

«Автор»

2026

ЭШ Б.

Корпорация обмана / Б. ЭШ — «Автор», 2026

Ты думал, что устроился в финансовую компанию. На самом деле ты попал в международную преступную сеть, которую прикрывают политики и спецслужбы. Ты решаешь собирать улики. Начинаешь понимать масштаб. Миллиарды долларов. Криптокошельки. Взятки на самом высоком уровне. Ты выходишь к журналистам. К полиции. Сотрудничаешь с Европоллом. Тебя объявляют в розыск. Ты попадаешь в программу защиты свидетелей. Меняешь имя, страну, прошлое. Но кто защитит тебя, когда за тобой охотятся не только преступники, но и те, кто должен охранять закон? Эта книга — реальная история человека, который попытался разрушить систему изнутри. И заплатил за это всем.

© ЭШ Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I	6
ЧАСТЬ II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

БОРИС ЭШ

Корпорация обмана

БОРИС ЭШ
КОРПОРАЦИЯ ОБМАНА

Роман

Основано на реальных событиях

2026

Дисклеймер

Настоящее произведение является художественным и основано на реальных событиях.

Имена, персонажи, диалоги, а также отдельные обстоятельства и детали были изменены или переосмыслены в целях художественного осмысления и построения повествования.

Автор не претендует на документальную точность и не утверждает фактическую достоверность всех описанных событий.

Посвящается моей жене Лане.

Помню. Люблю.

ЧАСТЬ I

Вход

— Через десять минут мы совершим посадку в международном аэропорту Торонто, — раздался из динамиков голос пилота.

Я открыл глаза — тёплая ладонь стюардессы коснулась плеча.

— Верните спинку кресла в вертикальное положение.

Зазвучали металлические щелчки. Кабина дрогнула — сначала едва, потом потоки турбулентности затрясли сильнее.

— Ой! — вскрикнула дама в соседнем кресле.

Самолёт вырвался из рваных облаков, коснулся полосы, подпрыгнул и с глухим ударом сел на шасси. Взревел реверс, шины взвизгнули и побежали по бетонке — в иллюминаторе сквозь туман замелькали сигнальные огни и силуэты ангаров.

Через час обниму детей.

Я достал из кармана телефон и послал сообщение:

Прилетел.

Пограничник скользнул взглядом по моему лицу.

— Цель вашего прибытия в Канаду?

— Визит к родственникам.

Подобрав чемодан с транспортной ленты, я вместе с потоком пассажиров направился к выходу.

Я вошёл в зону таможенного контроля и почти физически ощутил на себе взгляд офицера, стоявшего со сложенными руками на груди.

Почему он так странно смотрит?

Внутри неприятно сжалось. Шум шагов, гул объявлений, шарканье чемоданов о кафель ушли на второй план.

Офицер сделал шаг вперёд и протянул руку:

— Ваш паспорт.

Кивнул в сторону металлических столов:

— На досмотр.

Обыск.

Чужие пальцы перебрали вещи, вывернули карманы, проверили каждую складку одежды.

— Соберите багаж.

Я дрожащими руками закрыл чемодан.

— Всё? Могу идти?

— Нет. Ждите.

Подошла женщина лет тридцати в гражданском и ещё один офицер с красной папкой в руках.

Он достал из неё документ и принялся зачитывать чеканным голосом:

— В связи с тем, что вы являетесь членом международной преступной группировки MILTON GROUP...

Что?

— ...вам отказано во въезде в Канаду. Вы будете высланы ближайшим рейсом в страну, подавшую запрос на экстрадицию.

— У вас неверная информация, — начал я. — Я являюсь свидетелем в полицейском расследовании.

Но меня никто не слушал.

— На депортацию его, — скомандовала женщина.

Я перебирал варианты.

Стоп.

— Я обращаюсь за убежищем. Имею право, — мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидал.

В глазах офицеров мелькнуло смятение. Один из них прокашлялся и посмотрел на женщину.

— Чего зависли? Самолёт вылетает через час! — сорвалась она.

— Никак невозможно, мэм. Он запросил убежище.

— Плевать! Исполняйте приказ!

Офицеры переглянулись.

— Вы пытаетесь заставить нас нарушить закон, — спокойно произнёс старший.

Повисла пауза.

Лицо женщины покрылось пятнами.

— Наручники на него! В камеру! — рывкнула она.

За спиной глухо лязгнула дверь. Прелый воздух ударил в нос.

Я зашагал по кругу. Металл до боли сдавливал запястья и лодыжки.

Кто дал им информацию?

Кто-то в шведской полиции? В службе защиты свидетелей? Или...

Я опустил на покрытую надписями деревянную скамейку, подтянул окаченевшие от ледяного бетона ноги. Закрыв глаза.

Жужжание лампы под потолком било по нервам.

Совсем как тогда...

Что-то рвануло внутри — будто меня дёрнули назад во времени.

«Роман, запомни: чем короче язык, тем длиннее жизнь. Если понадобится — достанем.

Где угодно.»

Одна за другой в памяти стали всплывать картинки.

...

Полтора года назад. Начало августа. Киев.

Двумя днями ранее я отправил отклики на несколько вакансий «финансовых компаний с хорошей репутацией». Ответили только две — обе назначили собеседование на тот же день.

Оставив жару и городскую суету за дверью, я вошёл в кофейню Kaffa на Подоле. Внутри пахло кофе и свежей выпечкой.

За столом под настенным светильником в форме карты Африки сидела женщина лет тридцати — тёмно-синий костюм, каштановые волосы, стянутые назад. На запястье — тонкие золотые часы с чёрным ремешком.

Виктория. HR из Global Fin Consult.

Заметив меня, она поднялась и протянула руку.

— Привет, Роман. Присаживайся. Ты на менеджера по продажам, англоязычное направление? — произнесла с лёгким иностранным акцентом.

— Да.

— Тогда не будем тянуть резину... Tell me your story. (Расскажите о себе.)

Я рассказывал. Виктория слушала, делая пометки в блокноте. Когда я закончил, она пробежалась по записям, затем подняла глаза.

— Высшее образование в хай-теке, опыт в крупных компаниях... Почему вдруг финансы?

— Уже год в Киеве. По специальности работы не нашёл: везде один ответ — «неграждан не берём». А подрабатывать репетитором надоело.

— Понятно, — кивнула она. — Как оказался на Украине?

— Семейные обстоятельства, — выдохнул я.

Она отпила кофе, сложила руки на столе.

— Немного о компании. Мы уже два года в Киеве. Наш бизнес — помогать клиентам зарабатывать на фондовом рынке. Ты будешь заниматься привлечением новых клиентов. Полгода хороших результатов — и можно перейти в инвестиционный департамент. Там ставки выше, бонусы без ограничений.

На столе завибрировал смартфон. Виктория взглянула на экран и сбросила звонок.

— Что ж... Предварительно, ты нам подходишь. Остался тест на полиграфе.

— Полиграф?... Зачем?

— У нас это стандартная процедура, — сказала она почти ласково.

Стандартная для кого — для спецслужб?

Я собирался уточнить детали, но Виктория уже поднялась.

— Пока, Роман! Позвоню тебе за час до проведения теста.

Кончики её губ чуть дёрнулись, изобразив что-то похожее на улыбку.

Улица встретила раскалённым асфальтом и выхлопами автомобилей.

До следующего интервью оставалось полтора часа, и я решил пройтись через центр города.

Продавцы сувениров на Андреевском спуске на ломаном английском зазывали туристов.

Уличные музыканты играли «Ти ж мене підманула», кто-то из зевак подпевал.

Мысли о полиграфе не отпускали.

Странно... Нанимают на менеджера по привлечению клиентов, а проверяют как на директора банка.

Я на ходу достал телефон, набрал в поиске: Киев работа финансы полиграф.

На экране — десятки ссылок.

Я пролистал пару заголовков.

... владелец крупного банка ввёл обязательное тестирование...

... Министерство доходов и сборов добилось разрешения на использование полиграфа...

Тревога немного отпустила.

Может, Виктория раньше работала в банке или Минфине... Тогда откуда иностранный акцент?

Ладно. Начну работать — там всё прояснится.

Погружённый в раздумья, я шагнул на пешеходный переход.

Визг тормозов разрезал воздух.

Потрёпанное годами жёлтое такси замерло передними колёсами на зебре.

Водитель с перекошенным лицом высунулся, грязно выругался и ударил по клаксону.

Я сердито глянул на него, но промолчал — разбираться, кто прав, не хотелось.

Офис MILTON GROUP располагался в престижном бизнес-центре «Мандарин Плаза» — в самом сердце Киева. Идеальное место для солидной компании.

Когда я вошёл в холл, охранник поднял на меня сонный взгляд.

— Интервью на 13, — сказал я.

— Лифт. Седьмой этаж. Налево, — монотонно отчеканил он.

Через несколько минут я оказался в просторном офисе HR-департамента.

Напротив — Кира, девушка лет двадцати пяти. Одета в стиле casual, она держалась непринуждённо, почти как студентка.

Откинув светло-русую прядь со лба, она перешла к делу:

— Расскажи о себе.

Мой рассказ слушала рассеянно, успевая отвечать на сообщения и заглядывать в электронную почту.

— Так! Английский — зачёт, — Кира выложила на стол бумаги и кратко описала условия работы. — Если устраивает — заполни анкету и подпиши контракт.

— Уже?

— А что тянуть? Компания растёт, нам нужны люди. У меня план по набору персонала.

— Может, пару слов о вашем бизнесе?

— А... это? — Кира мельком взглянула на свои ярко-зелёные ногти. — Наши акционеры — из Израиля, мы занимаемся... — скороговоркой повторила примерно то же, что и Виктория.

— Ты будешь первым старше тридцати пяти, — она посмотрела на iWatch. — Решай — у меня следующее интервью через пять минут.

Я взял ручку, пробежал глазами текст.

— Зачем компании эта информация? — указал на пункт анкеты «Данные о ближайших родственниках».

— На случай связи, если с кем-то что-нибудь случится. Инсульт, например.

— В трудовом договоре CLEVER 4EVER, а не MILTON GROUP. Ошибка?

— Нет. Эта компания — часть холдинга MILTON. У всех сотрудников одинаково.

Я заполнил анкету и поставил подпись в контракте.

— Когда я смогу получить свой экземпляр документов?

— Потом, потом. Директор подпишет — всё отдам, — отмахнулась Кира. — Встречаемся в понедельник в 10:45. Пока.

В приёмной дюжина парней и девушек с волнением на лицах ждали своей очереди.

Шагая по офису, я почти физически ощущал наполнявшую его энергию: деловая суета, обрывки разговоров о финансовых рынках и курсах криптовалют.

Сотрудник на стремянке закреплял над выходом плакат:

«Приведи друга или знакомого — и получи бонус».

Спускаясь в лифте, я отбросил последние сомнения.

Выйдя на улицу, отправил Виктории сообщение:

Поиск работы больше не актуален.

— Коротко о правилах, — вместо приветствия произнесла Кира, встретив меня у лифта в понедельник.

— Личные телефоны в офис проносить запрещено. Оставлять там, — она кивнула на шкаф с ячейками у стойки охраны. — Расписаться в журнале посещений.

Я положил смартфон в ячейку № 767, потянулся за ручкой.

Бритоголовый охранник оторвал взгляд от монитора камер наблюдения:

— Новенький?

— Да, — поспешила ответить за меня Кира. — Время, Роман! Пойдём.

Она шагнула вперёд, приглашая меня жестом.

— Перемещаться можно только в пределах своего отдела, кафетерия и HR, — продолжала она на ходу.

На стене висел яркий постер:

«Делай больше FTD — участвуй в розыгрыше: дважды в год — автомобили, раз в год — квартира».

Чуть дальше — карта мира в тёмно-синих тонах под надписью MILTON GROUP.

Мы миновали комнату без окон с прозрачными стенами.

Несколько слушателей внутри ловили каждое слово лектора.

За его спиной на экране — графики, формулы, таблицы.

Через десяток шагов — белая дверь.
Кира толкнула её — мы вошли в просторный зал.
За окнами — разноцветные крыши центра города.
За длинными столами — пара сотен сотрудников. Почти все говорили в гарнитуры, пере-
крикивая грохот музыки из потолочных колонок.
Кто-то оживлённо жестикулировал, кто-то молчал, не отрывая взгляда от монитора.
В единый гул смешивались русский, английский, итальянский, испанский, немецкий.
Посреди этого внешнего хаоса, заложив руки за спину, расхаживал парень лет двадцати
пяти.
В каждом движении — уверенность человека, привыкшего командовать.
Кира кивнула в его сторону:
— Антон. Твой начальник.
И ушла почти бегом — будто боялась задержаться хоть на секунду.

Антон. Высокий голубоглазый блондин со стрижкой «полубокс». Золотая серёжка в
левом ухе, предплечья — сплошь в мистических татуировках. Гражданин Германии. Не найдя
работу после окончания университета в Берлине, он наткнулся в Telegram на заманчивое пред-
ложение сделать карьеру в финансовой компании на Украине. За год прошёл путь от простого
менеджера на звонках до Head of Sales Desk (руководитель отдела продаж).

Секунд пять он изучал меня — как сканер в аэропорту.
— Привет, Роман. Мы тут без официоза и телячьих нежностей. Нормально?
— Да, конечно.
— Присоединяйся, — кивнул он на группу у ближайшего стола.

Катя — полька, чуть за двадцать. Среднего роста, длинные волосы цвета шоколада.
Машинально поправляла чёлку, бросая в сторону Антона многозначительные взгляды.

Ира — сероглазая украинка. Светло-русые волосы стянуты в узле. На щеках — румянец;
пальцы сжимали ремешок сумки так, что побелели костяшки.

Павел — чех. Невысокий, слегка полный, лысеющий шатен. Говорил нараспев, будто
выверяя каждое слово. За плечами — два года в международном онлайн-рекрутинге; сюда
пришёл в расчёте на карьеру в финансах.

Георгий — болгарин, самый молодой. Высокий брюнет; шнурки на кедах вечно развя-
заны, но ему было всё равно. Айтишник на удалёнке; оказался здесь скорее из любопытства
— посмотреть, как делают «большие деньги» за короткий срок.

Антон скептически оглядел нас, скрестил руки на груди.
— Ну что ж... попробуем сделать из вас продажников. Вам предстоит четыре дня тре-
нингов. В пятницу — экзамен. Кто не сдаст — на вылет.
Ирина нервно закашлялась.
— Начнём с техники продаж, — продолжил он с хрипотцой, которая невольно заставляла
слушать. — Мы продаём людям их мечту.
Он остановился напротив меня, прищурился:
— Вот ты, Роман... кем мечтал стать в семь лет?
Я задумался.
— Космонавтом.
— А я — мошенником! — рассмеялся Антон.

Катя хихикнула.

Мои кулаки сжались, я подался вперёд.

Антон вздрогнул и шагнул назад:

— Шутка, Роман... Шутка. Хотел проверить, что ты не спишь.

Он поправил плечи, прошёлся с видом армейского сержанта:

— И за свою мечту клиенты платят нам своими же деньгами.

— Не поняла... поясни, — захлопала глазами Катя.

— Ключевая задача общения с клиентом — узнать о его желаниях, — продолжил Антон, кивая в такт словам. — Купить дом, выплатить ипотеку, поехать в круиз или просто сделать подарок детям. А затем использовать это в работе.

— Почему бы ему не пойти за деньгами в банк? — спросила Ирина.

— Хороший вопрос, — Антон поднял палец. — Современные банки — безликие автоответчики и сайты. Они не тратят энергию на живое общение. Мы же можем позволить себе роскошь говорить с людьми о деньгах, их семьях, радостях и проблемах. И это работает. Мы — инженеры человеческих душ.

— То есть... Манипуляторы?

— Называй как хочешь. Мы говорим клиентам, что банки платят им копейки, а у нас — тысячи процентов прибыли.

— А не надувательство ли это? — не удержался я.

Антон усмехнулся:

— Это маркетинг, Роман. В магазине, в борделе, в политике — везде продают иллюзию и завышенные ожидания.

— И вообще... То, чем мы будем заниматься, легально? — уточнил я.

— Безусловно. Компании холдинга, на который мы работаем, зарегистрированы на Украине, в странах ЕС, США и офшорах. На всех сайтах — номера брокерских лицензий.

— Поясни, а как делаются те тысячи процентов... — начал Павел.

— Рано тебе знать! — резко оборвал Антон. — Вашей задачей будет привлечение клиентов. А деньги делают другие.

Он усмехнулся:

— Сразу предупреждаю: бизнес у нас жёсткий — выживают только зубастые и энергичные. Остальные — в шлак.

Под конец рабочего дня в пятницу Антон странно улыбнулся:

— Ну а теперь — вишенка на торте. Экзамен, — хрустнул пальцами. — Будете уговаривать меня стать вашим клиентом.

Мы по очереди звонили ему на внутренний номер, убеждая открыть счёт и внести депозит. Или, как здесь говорили, — «отдать деньги».

После финального звонка Антон посмотрел на Павла и Георгия — как врач на пациентов с безнадёжным диагнозом. Кому-то позвонил.

Минут через пять появился смуглый парень лет тридцати в белой футболке с надписью Fuck the world.

— Который?

Антон кивнул на Георгия.

— Я — Кумар, — обратился к нему парень. — Ты ведь айтишник?

— Да, — с рассеянным видом отозвался тот.

— Забираю тебя в свой отдел.

— Какой еще отдел? — пожал плечами Георгий.

— Будешь работать с приложениями, — усмехнулся Кумар.

Они ушли.

Антон снова оценивающе глянул на Павла. Потом — коротко:

— Пойдём.

Павел вспыхнул, поднялся, не задавая вопросов. Они исчезли за дверью.

— Несчастный... — едва слышно вздохнула Ирина.

Минут через пятнадцать Антон вернулся с озабоченным видом.

— Что с ним? — спросила Катя.

— Будет работать на тринадцатом этаже, — отрезал он, не глядя.

Резко повернулся ко мне:

— А ты, Роман... думаешь, прошёл экзамен?

— Да.

— Посмотрим... Последнее слово — за моим начальником.

Через час Антон собрал нас снова:

— Вы трое приняты. Испытательный срок — пятнадцать дней. Сейчас к HR за пропусками.

Развернулся и, уходя вглубь офиса, бросил через плечо:

— До понедельника свободны! Начало в десять. Быть за полчаса.

Коротко пискнул пропуск. Телефон соскользнул в ячейку № 333.

Я вдохнул аромат кофе из обжигавшего пальцы бумажного стаканчика и влился в поток сотрудников.

Зачем я вообще здесь? Деньги? Не такие уж большие. Желание быть занятым? Или что-то другое?

Время покажет...

Катя и Ирина, растерянно озираясь, уже стояли рядом с Антоном.

— Вы трое поступаете в распоряжение Чарли! — бросил он, заметив моё появление, и указал рукой направление.

Я обернулся. У окна, во главе стола, сидел темнокожий парень лет тридцати — в оранжевой футболке, зелёной кепке и зеркальных очках.

— Это ко мне! — крикнул он, призывно махнув рукой.

Я на ходу разглядывал Чарли: на вид около тридцати, среднего роста, широкоплечий, с лёгким животом.

За плечами — двенадцать лет работы в колл-центрах родной Нигерии и гостеприимной Украины.

— Ваш тимлид, — небрежно представился он, восседая на высоком стуле, словно на троне.

Снял очки и, улыбаясь, медленно оглядел нас.

— Краткий инструктаж. Минимальный депозит — пятьдесят долларов. План на день — триста тридцать звонков, три часа живого общения с клиентами.

Кивнул на монитор:

— Я контролирую статистику. Даю минуту придумать себе stage-name (рабочее имя).

— Сценическое имя? — усмехнулся я. — Мы что, в театре?

— Круче, чем в театре, Роман. Это имя для работы.

— Я и со своим могу.

— Слушай, у нас тут свои правила. Компания не хочет отвечать, если клиент из-за тебя потеряет деньги. Не нравится — свободен.

Я вспомнил: трейдеры крупных брокерских домов тоже работают под stage-names.

Задумался на полминуты. Выбрал звучный вариант — Роман К.

Чарли вывел его скрипучим маркером на белой доске.

Рядом, в графе target (план), поставил цифру 5 — пять FTD (первый депозит) за месяц.

Такие же пятёрки появились напротив имён Кати и Иры.

— Кто не сделает... — протянул он с лёгкой угрозой. — Разговор будет другой. Вопросы? Тишина.

— Роман, твоё место — у прохода. Катя — там. Ира — туда, — указывал он жестами.

Чарли надел очки и посмотрел поверх оправы.

— И ещё! Я тут не только чтобы вас гонять, но и чтобы помогаааать, — протянул он с показной доброжелательностью. — Буду подключаться и слушать ваши разговоры. Услышите мой голос — повторяйте без раздумий.

Он поднял палец, словно подытоживая сказанное:

— Потому что цель у нас одна — делать деньги!

До конца августа — восемнадцать дней.

Цифра «5» напротив моего имени для работы пока ничего не значила.

У «ветеранов» команды числа в графе target (план) варьировались от 7 до 25.

Сотрудники, переговариваясь, рассаживались по местам, включали компьютеры.

Кто-то шутил, кто-то молчал, отрешённо глядя в пространство.

На настенных мониторах без звука транслировались CNBC, Bloomberg и РБК.

Из динамиков мурлыкала латино-попса.

Ровно в десять воцарилась тишина.

В центр вышел Антон — величественно, как дирижёр на репетиции.

— Утро доброе, бойцы финансового фронта, — хрипло протянул он. — Быстро, пока кофе не остыл.

Поправил массивные часы на запястье и ткнул пальцем в сторону экрана с цифрами.

— Азия пока в небольшом плюсе. Нефть отыграла падение, рубль растёт против доллара.

Ожидается рост Европы вслед за американским рынком. Биткоин, наш царь и бог, пока идёт вниз.

Окинул взглядом присутствующих:

— Что это значит для нас?

Тишина.

— Правильно, ничего, — усмехнулся Антон. — Но если клиент спросит — говорите уверенно, будто вы сами торгуете на Уолл-стрит.

Послышался смех.

— Главное — звучать как человек, который знает, что делает. Всё остальное — шум.

Он сделал глоток кофе.

— Ладно, к делу. Новая неделя — новые цели. Кто-то уже на финише, кто-то всё ещё греет стул. Сегодня смотрим за скоростью и конверсией.

Антон выискал глазами Чарли.

— Следи, чтобы новички не засыпали. И помните все: если ты не продашь, то продадут тебя. — Всплеснул руками. — Время — деньги! Поехали!

Грохот house-музыки врезал по ушам.

— Может, сделать потише?! — выкрикнул я в сторону Чарли.

— Чего захотел! — усмехнулся он. — Пусть орёт. Будете говорить громче — голос звучит увереннее.

Я посмотрел на синий экран перед собой.

Хм... Как с этим работать? Никто не объяснил.

Повернулся к соседу — парню лет двадцати с коротко стриженными рыжеватыми волосами и торчащим чубчиком. Протянул руку:

— Роман.

— Мантас, — шевельнул губами тот.

Весь его вид выражал усталость и апатию.

Полгода назад он приехал в Киев из Литвы — после неудачных попыток найти высокооплачиваемую работу в Англии. В колл-центр шёл сознательно: платили хорошо, перспективы обещали большие.

— Покажешь, как тут всё устроено? — мигнул я.

— Без проблем. Залогинься в CRM (систему управления клиентами), когда Чарли скинет лиды — покажу.

Через пару минут на экране высветился список — тысячи имён.

— Мантас! Что-то появилось, — позвал я.

Он придвинулся, положил ладонь на мышку:

— Кликаешь на имя.

Открылась карточка клиента: фамилия, имя, страна, телефон, email.

— Запускаешь IP-телефон (интернет-телефония), набираешь номер и работаешь по скрипту. Если что — зови.

Я приступил к звонкам. Номер за номером.

В ответ — гудки, обрывы, тишина.

К сотому звонку пальцы сжали гарнитуру — хотелось её швырнуть.

— Алло, — наконец ответил женский голос.

— Здравствуйте! Я звоню вам из...

Отключилась.

Я продолжал.

— Да? — хриплый мужской голос.

— Здравствуйте! Я...

— Да пошёл ты! — связь оборвалась.

Триста семьдесят звонков — сорок ответов, пять минут разговоров.

В голове стоял гул.

Завтра будет лучше, — надеялся я.

Но и следующий день оказался таким же безрезультатным.

У Кати и Ирины — та же ситуация.

Остальные без проблем дозванивались до клиентов и подолгу разговаривали с ними.

Что-то здесь не так.

— Мантас! Что происходит? Почти все отключаются или оскорбляют! — сорвался я.

Он лениво ухмыльнулся:

— Новичкам дают заюзанных клиентов. Их обзвонили тысячи раз за последние полгода.

Когда сделаешь три FTD (первый депозит) — получишь тот же список, что и у остальных.

Кивнул на свой экран:

— Правда, они тоже не самые свежие. Мы — «холодный бренд».

— «Холодный бренд»? — удивился я. — Впервые слышу.

— Это значит, что в наших списках те, кого сливают с «горячего бренда» или чьи данные купили на чёрном рынке. Мы звоним им, пока они не инвестируют. Потом опять звоним. До самой смерти.

— Чьей смерти?

— Конечно их, — лениво улыбнулся Мантас.

Чуть склонился к экрану:

— А на «горячем» всё прямиком из соцсетей. Человек кликнул на рекламу финансовых услуг — и его данные сразу попадают к ним.

Он усмехнулся, не отрывая глаз от монитора:

— Бизнес.

В конце четвёртого дня я дозвонился Генри В. из Ирландии.

Он неожиданно охотно вступил в разговор. Я рассказал ему про перспективные акции, поделился краткосрочными идеями. Он внимательно слушал и задавал вопросы.

— Роман, хватит воду лить! Приступай к закрытию сделки, — рявкнул в наушниках голос Чарли.

Генри продиктовал номер карты и срок действия.

— А теперь CVV, — снова прошипело в наушниках.

Я прокашлялся.

— И... код CVV?

Повисла тишина.

— Если сорвётся, убью! — уже без наушников закричал Чарли; краем глаза я увидел, как он машет кулаком.

— Прости, замешкался, — наконец раздался голос. — Так... диктую...

Я ввёл три цифры. Экран завис на несколько секунд. Затем вспыхнуло: «Платёж 50 долларов подтверждён».

— Поздравляю с первым шагом к успешному партнёрству! — выдал я по скрипту.

— Я даже не сомневаюсь! Ведь ты мой финансовый консультант! — обрадовался клиент.

— Нет, к сожалению. С тобой свяжется финансовый менеджер. Приготовь данные для верификации.

— Спасибо, Роман!

Снимая наушники на ходу, ко мне подошёл Антон.

— Слушал, как ты это сделал. Пойдёшь в гору.

Он хлопнул меня по плечу.

— Иди, звони.

Я покосился на кусок металла, висевший на самом видном месте. Колокол. Ритуальный символ успеха на Sales Desk.

— Давай же! — подбодрил Антон.

Звон рассёк гул голосов, словно выстрел — в груди вспыхнул адреналин.

На миг все замерли, потом кто-то захлопал, кто-то засвистел. Девушка отвела глаза — у каждого своя правда о чужой победе.

Я махнул рукой и направился к своей команде.

В этот самый момент где-то глубоко внутри меня шевельнулось первое сомнение.

Им всем — от девятнадцати до двадцати пяти.

Мария — голубоглазая голландка с «денежным» голосом сорокалетней дамы. Три месяца подряд — лидер по FTD.

Камилла — кенийка, хозяйка чёрных кудрей и талисмана — золотой рыбки в пластиковом стакане.

Назар из Восточной Украины. Представляясь, он протягивал ладонь размером с баскетбольный мяч.

— Работал на шахте. Выучил английский — теперь копаю тут! Ха-ха-ха!

Брам — бельгиец, пугливый бледный блондин, почти тень.

Анна — крупная блондинка из Эстонии. Сидела рядом с Чарли. Говорили, их связывает нечто большее, чем работа.

Я выделил его среди остальных ещё в начале тренинга.

На вид ему было около двадцати пяти лет. Среднего роста, карие глаза, аккуратная борода и усы обрамляли смуглое лицо с тонкими чертами. Почти всегда — серый костюм и белоснежная рубашка без галстука. Чёрные туфли — начищены до блеска.

Акцент и мягкие интонации выдавали в нём уроженца Западной Азии.

Иранец? — подумал я тогда.

Он перемещался по территории колл-центра уверенной, слегка развалистой походкой. Иногда замирал в стороне, будто хотел казаться незаметным, и подолгу наблюдал за сотрудниками. Судя по подобию страсти, с которым с ним общался Антон, он явно был из тех, кто принимает решения.

— Аналитики считают, что в перспективе биткоин может достичь ста тысяч долларов, — я с энтузиазмом убеждал клиента в привлекательности криптовалют.

Чья-то тень мелькнула сзади. Я инстинктивно обернулся — он стоял прямо за моей спиной, вслушивался в мой голос. Наши взгляды пересеклись. Я кивнул, не прерывая разговора. Он, не моргнув глазом, продолжал смотреть — будто собирал мой образ из разрозненных фрагментов.

— Кто это? — спросил я у Чарли.

— Кян. Шеф нашего бренда. Из Азербайджана. Когда-то работал сушистом, два года назад устроился в MILTON. Начинал, как все, на звонках. Сейчас — пару миллионов долларов в кармане...

Наступил последний рабочий день августа.

Вентиляция с трудом справлялась с душным воздухом, дрожащим от гула голосов и стрекотания клавиатур.

Антон плыл между рядами с видом надсмотрщика на галерах.

— Не расслабляться! — хлестал он словами, словно плёткой. — Дожимать клиентов!

Цифра «7» на белой доске против моего псевдонима говорила, что я перевыполнил план, обеспечил себе бонус и расположение тимлида.

Чарли, жестикулируя, отчитывал Катю и Ирину за нулевые результаты.

Ирина, опустив голову, виновато моргала; пальцы судорожно теребили край стола.

Катя томно вздыхала и строила глазки Чарли, надеясь, что флирт её спасёт.

Анна, прищурившись, смотрела на потенциальную соперницу с открытой неприязнью.

Итоговая сумма, собранная нашей командой за месяц, — шесть тысяч долларов.

Другие сделали от пяти с половиной до семи.

— Не понимаю, в чём смысл работы при таких доходах? — поделился я с Мантасом. — Бизнес должен идти в убыток.

Он ухмыльнулся.

— Большие деньги делаются там, — кивнул на дверь с табличкой Retention (отдел удержания клиентов).

В шесть вечера музыка резко стихла.

— Кто не в разговоре — на собрание, — скомандовал Антон.

Настал момент, которого все ждали.

Сегодня должны были объявить имена тех, кто перейдёт на Retention — и как следствие, получит доступ к высокой зарплате, щедрым бонусам и карьерным перспективам.

Кто-то притащил чёрное кресло и поставил в центр комнаты.

— Трон принесли, — натянуто хихикнула Мария.

Кян вышел в середину комнаты и встал, широко расставив ноги.

— Сегодня я назову три имени, — начал с оттенком загадочности. — Только три.

Улыбаясь, он намеренно выдерживал паузу. Напряжение гудело в воздухе.

— Никита! — выпалил наконец.

Комната взорвалась аплодисментами и свистом.

— Выходи! Садись на кресло, — указал Кян.

Никита, высокий шатен из России, замер, потом, широко улыбаясь, шагнул вперёд и опустился в кресло.

— Никита... Ты начнёшь зарабатывать значительные суммы, — Кян навис над ним, как ястреб над ягнёнком. — На что потратишь?

— Ну... сначала куплю машину. Потом квартиру в Москве. Помогу родителям.

— Отличный план. Можешь возвращаться к своим.

Под одобрительный гул Никита вернулся на место, подмигивая и раздавая улыбки.

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Герой!

Кян дождался тишины.

— Второе имя... Сантьяго!

Команда испанского деска встретила имя возгласами и аплодисментами.

Сантьяго, невысокий брюнет из Колумбии, сиял восторгом.

— Давай, проходи! — подтолкнул его тимлид.

— Я... когда вернусь домой, хочу купить дом с кофейной плантацией, — рассказал Сантьяго о своих планах.

— Молодец. Работай усердно — всё получится.

— И наконец, третье имя... — повисла пауза.

Взгляд Кяна скользнул по рядам и остановился на красивой девушке в первом ряду.

— Мира.

Мира, высокая брюнетка из Сербии, взвизгнула и запрыгала, прикрывая рот ладонями.

— Ну... иди сюда, — по-отечески мягко позвал Кян.

Смущаясь, она пересекла комнату и села на «трон».

— Я хочу открыть кофейню в Белграде. Дам маме деньги, чтобы купить место на базаре, — она едва сдерживала слёзы.

— Так и будет, — кивнул Кян.

В глазах тех, кто надеялся услышать сегодня своё имя, смешались разочарование и надежда — в следующем месяце это буду я.

Кто-то грыз ногти, Камилла смахнула слезу. Остальные наперебой обсуждали происходящее и строили планы на вечер.

— И ещё... — продолжил Кян. — Вы все знаете Романа.

Стало тихо.

Десятки глаз обратились ко мне. Я почувствовал, как напряглись плечи.

— Когда он пришёл в компанию, мы вначале думали, что он заслан полицией к нам шпионить.

— И я так думал! — весело выкрикнул Никита и засмеялся.

— Так вот, руководство доверяет ему и принимает в семью — MILTON GROUP.

Зал взорвался аплодисментами.

Курьеры привезли пиццу и напитки. Запах еды смешался с виски.

Чуть позже мы перебрались в бар.

Катя сидела с Жаком, тимлидом из Франции.

— Ну объяви всем, что мы уже пара! — она толкнула его локтем в рёбра.

— Ага... конечно скажу, — он жевал кусок мяса, с аппетитом поглядывая на её бёдра.

— Потом... как-нибудь.

Домой я вернулся поздно.

Не включая свет, завалился на диван. На потолке — узор теней.

Из квартиры соседки за стеной доносились вздохи.

Затем — стоны в такт ритмичным ударам мебели о стену.

Мы думали, что он заслан полицией к нам шпионить... — всплыли слова Кяна.
Шпионить... Боятся полиции? Значит, что-то нелегальное? Возможно. Но явных фактов я пока не видел.

Обещают высокие доходы и продают иллюзии... Но это не преступление — так делает весь бизнес.

По сути... везде одно и то же.

Реклама не соответствует реальности.

Банки гарантируют сохранность вкладов — затем рушатся, оставляя банкиров с миллионами бонусов, а клиентов — ни с чем.

Политики обещают избирателям мир и процветание — те в итоге пожирают войны и нищету.

Удары в стену участились. Соседка закричала.

Поработаю — попробую понять.

Тишина.

Мантас угасал с каждым днём.

Когда-то он показывал высокие результаты и считался кандидатом на повышение. Теперь же в нём остались только апатия и безразличие.

В первый рабочий день сентября Чарли крикнул ему через стол:

— Мантас! Тебя ждут в HR на собеседование.

Тот вздрогнул, словно возвращаясь из забытья.

— По какому поводу?

— Не знаю, — блеснув очками, криво улыбнулся Чарли. — Сходи. Потом расскажешь.

Минут через двадцать он вернулся.

Устроившись на рабочем месте, уставился в точку в пространстве.

— Ну как? — поинтересовался я.

— Предложили перейти в HR.

— Отлично! Иди, попробуешь себя на новом месте.

— Уже отказался, — отрезал он. — Хочу в Retention.

На следующее утро, перед инструктажем, Антон объявил:

— Мантасу был дан шанс. Он отказался.

Окинул его безразличным взглядом.

— Мантас, ты уволен, — произнёс он мягким голосом.

Тот покраснел, дрожащими руками схватил рюкзак и выбежал, громко стуча подошвами по полу.

Десятки пар глаз смотрели ему в спину.

Ирина прикусила губу. Назар вытер пот со лба.

— Чего зависли?! Работать! — рявкнул Антон.

Тем, кто продолжал работать, MILTON платил исправно.

В дни выдачи зарплаты каждый забирал своё — без слов, без благодарности.

Когда дошла моя очередь, я открыл дверь бухгалтерии.

В нос ударил тяжёлый воздух, пропитанный чужим дыханием и приторным парфюмом.

Внутри пятеро о чём-то говорили, но замолчали, едва я появился на пороге.

В центре восседал Тенгиз, главный бухгалтер. На вид — около шестидесяти.

Среднего роста, сухощавый, с короткой стрижкой седых волос и массивным, выдающимся носом.

Будучи одним из самых доверенных людей хозяина, на которого работал ещё в бытность в Грузии, Тенгиз управлял наличными потоками MILTON UKRAINE.

Через его руки текли миллионы долларов — в карманы правоохранителей, криминала, коррумпированных чиновников и политиков.

— За зарплатой — ко мне, — звонко окликнула тучная шатенка лет сорока. — Фамилия? Я подошёл, назвал.

Пухлые пальцы, сверкая бриллиантами, застучали по клавишам, отсчитали долларовые купюры и бросили на стол.

— Роспись здесь, — палец ткнул в клочок бумаги.

За спиной раздался треск купюросчётной машины.

Я обернулся: девушка складывала на стол пачки денег.

Рядом молодой человек вынимал обтянутую пластиком упаковку долларов из пухлой спортивной сумки с надписью PAUL & SHARK.

Он полоснул меня взглядом. Я отвернулся.

— Я хочу получать зарплату на счёт в банке, — сказал я, убирая банкноты в карман. — И справку о доходах — в конце года.

Бухгалтер усмехнулась:

— Сразу видно, что новенький. Только наличные, без вариантов. И вообще — не задерживайся, за дверью люди ждут!

Я глубоко вдохнул. Кожа на руках казалась покрытой липкой плёнкой..

Достал влажные салфетки из кармана.

— Роман! — дрогнул голос навстречу.

Я поднял глаза.

Ко мне почти бегом семенила сияющая Ирина.

— Я сделала это!

Она вскинула руки и подпрыгнула, будто выиграла миллион.

— Сделала что?

— Мой первый FTD, — улыбаясь, прошептала она. — Я думала, у меня никогда не получится.

— Молодец, Ирина. Ну вот видишь — теперь ты знаешь, что можешь.

— Спасибо... — она вытерла глаза платком. — Теперь я смогу оплатить аренду квартиры.

Тем утром в нашей команде появилась Регина — сразу стало тесно.

Высокая круглолицая девушка лет двадцати из Дании.

Голубые глаза, в которых под налётом наивности читался жёсткий расчёт — и готовность переступить через любого.

— Этот гад придирался ко мне с первого дня, — возбуждённо рассказывала она про тимлида на горячем бренде, откуда её перевели. — И сожрал!

— Ха! Надо было просто дать ему... — ехидно улыбнулась Катя.

— Вот ещё! Было бы кому — какому-то лузеру-тимлиду, — резко парировала Регина.

Чарли недобро покосился на неё.

— Я тут за деньгами, — отрезала она, хрустя обёрткой Чупа-Чупс. В воздухе запахло ананасом. — Будут деньги — будут романы с кем я захочу.

Она взглянула на доску с финансовыми результатами.

— Бедноватенько у вас тут... — хихикнула. — У нас минимальный FTD был двести пятьдесят баксов. За каждый сделанный — бонус пятьдесят.

Забавная экономика. Да и визит в бухгалтерию тоже — промелькнуло внутри.

Регина свела глаза на конфету, повертела её, ловко закинула за щёку — и влилась в поток звонков:

— Алё! Я из финансовой компании...

Каждый раз, когда клиент делал FTD, его данные передавались в Retention. Тимлид был обязан заблокировать его телефонный номер и удалить из списка контактов. Но однажды Чарли допустил ошибку.

Поздно вечером телефон передо мной пискнул — сообщение в WhatsApp:

Позвони, пожалуйста.

Это был один из моих клиентов. Я набрал.

— Алло. Как успехи?

— Роман... — он замолчал, будто не знал, с чего начать.

— Что случилось?

— Финансовый менеджер предложил выгодную сделку. Уговорил вложить двадцать тысяч. Я получил прибыль. Потом убедил добавить ещё двадцать... и я, как дурак, согласился. Он запнулся.

— В какой-то момент у меня было около восьмидесяти тысяч. Я попытался вывести деньги.

Нужно заплатить налог — десять тысяч, — сказал менеджер. Я заплатил...

Голос в трубке дрогнул.

— Но ничего не пришло. Потом он сказал, что нужно ещё. Я отказался. После этого он перестал отвечать.

Я сжал телефон.

— Все деньги, которые я отправил, — кредит. У меня больше ничего нет... — голос сломался.

— Я... попробую что-то сделать... — сказал я, не имея ни малейшего представления, что именно.

Я отключился и застыл перед экраном.

Что делать? Как помочь? Я работаю на скамеров?

Из глубины офиса доносился мягкий гул голосов девчонок с Испанского деска, звонивших в Латинскую Америку.

— ...te amo... solo cincuenta dólares...

(...я тебя люблю... всего лишь пятьдесят долларов...), — тихо шептала Люсия из Эквадора.

На следующий день, выбрав удобный момент, я подошёл к Антону.

— У меня вопрос.

— На любой вопрос — любой ответ, — нехотя отозвался он, не отрываясь от таблицы статистики звонков на экране.

— У моего клиента проблемы на Retention.

— У каждого свои проблемы, — улыбнулся он.

— Он сделал FTD месяц назад, а вчера мы разговаривали...

Антон встрепенулся, повернулся ко мне:

— Так-так-так... поподробнее. Как тебе это удалось?

Сдавать Чарли не хотелось.

— Просто позвонил, узнать, как у него дела.

— А номер?

— Запомнил, — соврал я без тени колебания. — Как помочь ему вернуть деньги?

— Какие ещё деньги? — Антон пожал плечами, заглянул в мои глаза. — Роман, ты зачем пришёл в компанию?

— Зарабатывать.

— Ну вот и зарабатывай. Компания дала тебе все условия, — он сделал широкий жест.
— А что там с клиентом — не твоя забота. И не моя.

— Но ведь это я уговорил человека открыть счёт и...

— Часто бывает, что люди по собственной глупости теряют деньги, а потом пытаются обвинить в этом других.

Он наклонил голову:

— Может, ты на самом деле полицейский лазутчик?

— Да брось ты! Какой из меня лазутчик?

Зазвонил колокол, раздались возгласы и аплодисменты.

Голос Антона смягчился, лицо засияло показным добродушием:

— Роман, иди работай. Если что-то не нравится — свободен.

Странный получился разговор, — думал я, скроля список клиентов.

Снова подозрение в работе на полицию... почти шутка, но дважды за месяц — многовато.

Вокруг всё текло обычным чередом.

Опять зазвонил колокол.

Ещё один депозит. Настоящий конвейер.

Чья-то рука осторожно коснулась моего плеча.

Я обернулся — Ирина.

— Я на ланч. Пойдёшь со мной?

— Пойдём.

Мы сидели в The Burger.

Ира взахлёб щебетала о своей мечте заработать кучу денег и уехать за границу.

— Поступлю в университет. Выйду замуж... Дом на берегу реки... белая машина... — мечтала она, ковыряя картошку. — Яхта...

Я кивал, но мысли были далеко.

Надо как-то прорваться на Retention. Там смогу узнать всю правду.

— Ой! Какая я неряха... — захлопала глазами Ирина.

Капля кетчупа медленно стекала по её бежевому полу.

По итогам сентября команда Чарли показала лучший результат.

Второй месяц подряд я перевыполнил план.

На «Вознесении» в Retention Кян назвал два имени — Камиллу и Марию.

Камилла прощалась с рыбкой:

— Сказали, тебе туда нельзя, — хлюпнула носом. — Поживи пока здесь. Буду каждый день приходить к тебе. Не горюй.

Что думала по этому поводу золотая рыбка — осталось неизвестным.

Отмечать успехи решили в ресторане-пивоварне Cosmopolite.

Внутри пахло жареным мясом и крафтовым пивом.

За столом вспоминали смешные моменты работы, смеялись, спорили, размахивая руками.

Чарли пригласил Макса. Ещё недавно он был его подчинённым, а теперь уже три месяца как работал в Retention.

Высокий брюнет с короткой стрижкой. В прошлом — участник банды карточных шулеров. После задержания главаря пять лет скрывался в Камбодже, Вьетнаме и Макао, перебиваясь случайными заработками — в основном не самыми чистыми.

Выучил английский, заплатил следователю — тот закрыл дело, и Макс вернулся.

Он медленно отпил из пинты и бросил как бы невзначай:

— Ещё месяц назад некоторые на Retention предлагали Кяну перевести тебя к нам.

— Почему меня? — удивился я.

— Твои клиенты готовы инвестировать и не ждут сказочных доходов. С ними проще, чем с теми, кому продали долю в проекте добычи алмазов на астероидах.

Назар расхохотался.

Макс посмотрел на него с ленивым сарказмом:

— А сам? Хорошо тоже... Уговаривать сердобольных старушек: «Дайте денег, дайте денег... Меня уволят...» — перекинул он.

Назар закашлялся, захлопал глазами:

— Ну... я того...

— Таво, таво... — продолжал ёрничать Макс. — А потом твои клиенты заявляют, что не имели представления, зачем открыли счёт.

За столом взорвался хохот.

— Это ещё ладно... — хмыкнул Макс. — На одном бренде клиенту впарили участок на Марсе под добычу нефти. Теперь ломают голову, что с этим делать.

— Макс, а почему тогда Кян не перевёл меня? — спросил я, когда смех стих.

Он нацелил вилку на колбаску, поблёскивавшую жиром.

— Хочет изучить, что ты за зверь.

В выходные стояла почти летняя погода — я бесцельно гулял по улицам города.

Не заметил, как оказался на холмах Ботанического сада — остановился.

Над желтеющими кронами открывался вид на белые громады спальных районов.

По мосту через серую ленту Днепра ползла зелёная гусеница электрички.

Глаза нашли сами тот самый куст сирени.

Здесь.

Я лёг на нагретую солнцем землю, коснулся ладонями травы.

Май 1979-го. Мне шестнадцать. Очередь за билетами в кино.

Передо мной — она. Смеётся, болтает с подружкой.

Я тайно любовался ею.

— Ты красивая, — выдохнул я наконец.

Обе обернулись, не понимая, к кому обращены слова.

Я встретил взгляд её зелёных глаз. Она прищурилась и улыбнулась:

— Да, красивая. И, кстати, умная. Рискнёшь познакомиться?

— Угу.

— С тебя мороженое.

— Согласен! — выпалил я, едва дыша.

Она протянула руку:

— Илона.

Мы встречались почти каждый день.

Когда не получалось — часами говорили по телефону.

Май 1980-го.

Цвели яблони, воздух был пропитан весной.

Мы лежали на этом же месте, вдыхая пьянящий запах сирени и глядя в бездонное небо.

— Я всё откладывала сказать тебе... — прошептала она, чуть вздрогнув. — Нам дали разрешение на выезд. Мы скоро уезжаем. Сначала в Австрию, потом — в Америку.

Смысл её слов дошёл до сознания, когда она заплакала.

Мы обнялись, будто могли этим удержать друг друга.

С тех пор я её не видел и ничего о ней не слышал.

— Ну вот... наше любимое место заняли, — женский голос вернул в реальность.

Молодая мама вела за руку светловолосую девчущку.

— Пойдём обратно... — вздохнула она.

Я встал, отряхнул джинсы.

— Не переживайте. Я ухожу. Доброго дня.

— Спасибо, — женщина наклонилась к дочке. — Помаши дяде ручкой.

Зеленоглазая кудряшка засмеялась и замахала розовой ладошкой.

Воспоминания растворились в понедельничном хаосе офиса.

Во время перерыва на кофе я подсел к итальянской команде.

— Леон, — парень лет тридцати протянул руку. Тёмные, чуть выющиеся волосы, живые глаза.

— Из Алжира. Семь лет прожил в Италии. Последние три — диджеил в Неаполе.

— А сюда как занесло?

— Женился на украинке. Приехали заработать на дом в Италии. Я здесь, она в другом колл-центре, — улыбнулся он, будто видел себя обратно на привычных южных улицах.

Вера — лет двадцати пяти, длинные каштановые волосы, в чёрных глазах — манящая, зыбкая бездна.

— Когда мне было девять, меня забрала из украинского детдома пара из Рима, — рассказывала она. — Не удочерили. Просто взяли.

Помолчала.

— Поигрались... А в восемнадцать просто выставили на улицу — без денег, без документов. Вернулась на родину, вышла замуж, родила двоих.

— Роман, переходи к нам! Итальянский выучишь за месяц — это легко! — пошутил их тимлид.

Я улыбнулся. Их живость хоть немного разбавляла серость дня.

Ахмет — бывший офицер ливийской армии.

По глазам было видно: ему довелось многое пережить.

— Пять лет жил с семьёй в Италии, выживал как мог. Перспектив легализации — ноль, работать легально — тоже. Пришлось всё бросить, — делился он, отпивая из бумажного стаканчика.

Сегодня утром Кян вне очереди перевёл его в Retention.

Днём ранее Ахмет убедил клиента из Катара открыть счёт и внести десять тысяч долларов.

Я пролистывал ленту новостей, когда почувствовал — к спине прикоснулось что-то тёплое и мягкое.

По телу прокатилась горячая волна. Я медленно обернулся — высокая блондинка стояла почти вплотную.

— Привет. Меня зовут Тоня, — она поставила ладони на бёдра, чуть наклонила голову.

Мой взгляд скользнул вниз: голубая блузка была расстёгнута на одну пуговицу больше, чем нужно.

— Роман, — голос просел.

Запах её парфюма смешался с чем-то более личным — разум начал мутнеть.

Она смотрела спокойно, будто знала, что я не смогу сопротивляться.

— Мне нужна помощь, — произнесла мягко, почти гипнотически. — Ты же не хочешь, чтобы меня уволили?

— Конечно... не хочу. Я помогу, — вырвалось само.

— Помочь с чем?

— У меня не получается... Вот, посмотри.

Два пальца с алым маникюром прихватили мою рубашку и, как котёнка, потянули за своей хозяйкой.

— Они не хотят давать мне деньги, — ткнула пальцем в экран. — Сделай что-нибудь. Я надел её наушники. Выбрал самую звучную фамилию из списка и набрал номер.

— Алло... — ответил женский голос.

Через полчаса сделка была закрыта.

— Ты такой молодец. Спасибо, — улыбнулась Тоня и обняла меня — её дыхание коснулось шеи.

— Будешь ещё помогать? — прошептала на ухо.

Я кивнул.

Всё это время Антон наблюдал за нами, не скрывая ухмылки.

— Тоня, ты талант. Ловко у тебя получилось — заставила Романа сделать себе подарок.

Что ж, иди — звони.

Она подмигнула мне, послала воздушный поцелуй и, покачивая бёдрами, направилась к колоколу.

Артистка...

— Роман! — рявкнул Чарли. — Чёрт возьми, надо работать на себя и свою команду.

В тот день я дозвонился до клиента, живущего в Брюсселе. Разговор не клеился — его английский был почти нулевым.

— Я из Ирана! Фарси, фарси! — вскрикнул он, почти отчаявшись.

Я перевёл взгляд на Чарли.

— Роман, посмотри направо, — раздался в наушниках его голос.

Я повернул голову. Через офис вразвалку шёл темноволосый кудрявый парень с телосложением Винни-Пуха.

— Это Вильям. Фарси — его родной язык. Хватай его. Проси помочь.

Я догнал его, коснулся плеча.

Он медленно обернулся, с любопытством посмотрел на меня.

— У меня на линии клиент — говорит только на фарси, — выпалил я. — Поможешь?

— Хм. Давай посмотрим, кто там у тебя, — улыбнулся он.

Вильям говорил с ним минут тридцать: кивал, смеялся, жестикулировал, будто рисуя в воздухе узоры.

Закончив, он развёл руками:

— Бесполезно. Платёжной карты нет — совсем недавно приехал из Ирана.

— Всё равно спасибо за попытку.

Вильям лукаво прищурился:

— А ты вообще кто?

Я рассказал, как оказался в MILTON.

— Хочешь много денег? — неожиданно спросил он, приподняв бровь. — Не эти, — насмешливо кивнул на доску с результатами команды. — Слезы.

— Станный вопрос...

— Пойдём.

Мы оказались в помещении Retention — святой святых.

Когда за закрывшейся дверью стих рёв музыки и гул голосов, в лицо пахнул прохладный воздух.

За просторно расставленными столами сидели несколько десятков человек, погружённых в экраны и разговоры с клиентами.

Негромко играл лаунж.

На бежевых стенах — постеры с люксовыми автомобилями.

— О! Роман! Как ты здесь... — начала Мария, увидев меня.

— Со мной, — отрезал Вильям.

— Смотри сюда, — он указал на белую доску с цифрами.

Напротив stage-names сияли числа с пятью нулями.

— Вот это — деньги.

— Ого... — вырвалось у меня.

По сравнению с этим все результаты на Sales выглядели жалко.

Как клиенты, которых с трудом уговаривают внести пятьдесят — сто долларов, отдают здесь такие суммы?

— А это я, — Вильям с гордостью ткнул пальцем в верхнюю строку.

Там стояла сумма чуть больше пятисот тысяч долларов.

Он подошёл ближе.

— Хочешь работать здесь? Со мной?

— Да. Но как?.. — я пожал плечами.

Вильям коснулся моего предплечья:

— Поговорю с Кяном.

Мы пожали руки.

На следующий день ко мне подошёл Кян:

— С ноября ты на Retention. Учишься у Вильяма, потом работаешь в его команде.

Я стал на шаг ближе к цели.

— Не расслабляйся. Тебе ещё четыре FTD до плана, — сухо добавил он.

В последнюю субботу месяца Антон устроил «осеннюю» вечеринку — как всегда шумную, пьяную и почти обязательную.

Большой загородный дом стоял на берегу реки. Кругом — лес, раскрашенный осенью в жёлтые и красные оттенки.

Внутри царила суматоха: ящики с виски и ромом у бара, из колонок — грохот клубной музыки. На кухне девушки готовили закуски.

— Есть желающие в покер? — раздался голос Макса.

— На интерес? — отозвался кто-то неуверенно.

— На интерес играю только с дамами — на раздевание.

— Готова на раздевание! — весело выкрикнула Катя.

— Мы с тобой сыграем позже, — ухмыльнулся Макс. — А сейчас! Есть тут хоть один серьёзный человек, готовый сыграть на деньги? В твёрдой валюте, разумеется.

— Я! Я! — посыпались голоса.

Наивные...

— Играем по-крупному, — весело продолжал он. — Вход — три тысячи долларов. Никаких кредитов, никаких отговорок. Кто готов — за стол.

Играть решили четверо, зевак столпилось человек двадцать.

Макс достал из кармана колоду карт.

Я чуть ухмыльнулся.

Краплёные. Сто процентов. Сейчас обчистит их до нитки.

Через сорок минут в игре остались Антон и Макс.

— Антон, может, это не твоя игра? — усмехнулся Макс, глядя на бывшего шефа.

— Меня удача любит! — дёрнул носом тот, нервно разглядывая карты.

Ещё полчаса — и Макс сгребал деньги со стола.

— Ну что, Антон, всё честно?

— Ммм... — покосился тот на колоду.

Мошенник — читалось на его лице.

— Вижу, всё нормально. Пойдём выпьем, — Макс хлопнул Антона по плечу, подмигнул кому-то в толпе и направился к бару.

Приглушили свет — всё погрузилось в полумрак.

Леон подкрутил на пульте басы — задрожали окна. Во вспышках огней Анна танцевала с Чарли.

Комната наполнилась дымом.

Пахло волнующим парфюмом и развратом.

Катя обнималась с Хосе из испанской команды. Подмигнула мне:

— Хочешь с нами?

— Я тут... посижу с виски, — закашлялся я.

Тоня, в такт басам, танцевала с закрытыми глазами — плавно, завораживающе.

Она открыла глаза. Поймав мой взгляд, игриво нахмурила брови и направилась в мою сторону.

— Что это такое? — рассмеялась, подойдя. — Грустишь тут в одиночестве?

Махнула в сторону танцпола:

— Пошли!

— Я не...

— Никаких «не» и «не хочу»!

Взяла меня за руку и потянула за собой.

В тот вечер я смеялся и танцевал так, будто завтра не наступит никогда.

...Утро.

Голова гудела. В памяти — обрывки вчерашнего вечера и ночи.

Я открыл глаза.

Где я?

Уф... дома.

Нос уткнулся в тёплое бедро. Знакомый запах.

— Проснулся, котик? — раздался сонный голос Тони.

Её ладонь легла мне на голову, пальцы перебрали волосы.

— Не нафантазируй себе ничего лишнего, — зевнула она. — Просто... был приятный вечер.

Кяна срочно вызвал хозяин MILTON — по слухам, живущий в Лондоне.

Из-за этого объявление о переводе на Retention проходило наспех и на пару дней раньше обычного.

Лица сотрудников застыли в напряжении.

— С первого ноября переходят... — раздался голос Кяна над головами.

Прозвучали три имени. Моего там не было.

Что-то поменялось?

— И ещё... — продолжил Кян.

Всё застыло в мёртвой тишине.

Его взгляд задержался на мне — мгновение показалось вечностью.

— Роман! — прозвучало как удар гонга.

Я выдохнул.

Ну наконец...

— Поздравляю, — шепнула Ирина, наклонившись.

— Молодец! — Катя подошла и чмокнула в щёку. — Не забывай — мы начинали вместе и были в одной команде.

— Что-то очень быстро его продвинули, — недобро пробурчал кто-то. — Я тут торчу уже полгода.

Тоня сложила пальцами сердечко и улыбнулась.

Следующим утром один из вебсайтов выложил персональные данные, stage-names и ссылки на соцсети почти всех сотрудников нашего бренда. Там же оказался и адрес офиса.

Некоторые принялись лихорадочно удалять страницы в соцсетях, другие сбивались в кучки и шептались, озираясь по сторонам.

Брам дрожащими руками собирал рюкзак:

— Моё имя и фотографии в открытом доступе. Если вдруг проверка — у меня нет рабочей визы. Я — турист...

— Расслабься, парень. Я официально студент, — усмехнулся Чарли. — Правда, ни разу не появлялся на занятиях.

Обстановка накалялась.

ЧАСТЬ II

Внутри

1 ноября. За час до начала рабочего дня.
Я толкнул дверь Retention.
— Доброе утро.
— Роман, сюда, — услышал я голос Вильяма из дальнего угла.
Мы пожали руки.
— Обустраивайся, — кивнул он на рабочее место рядом со своим.
Я устроился в кресле.
— Тот, кто работал здесь до меня. Где он сейчас?
Вильям промолчал.
Офис постепенно оживал — разговоры, запах кофе и парфюма.
Ровно в 10:00 к площадке у окон вышел Кян.
Звуки тотчас стихли, все повернулись в его сторону.
— Подведём итоги, — начал он. — В октябре наш бренд сделал два миллиона долларов.
Это лучший результат за всю историю MILTON.
Раздались аплодисменты.
Лицо Кяна на секунду расплавилось в улыбке.
— Лучший индивидуальный результат — у Вильяма, — продолжил он. — Семьсот тысяч. Персональный рекорд.
Одинокие хлопки почти сразу стихли.
— Как насчёт поощрения за рекорд? — спросили с задних рядов.
— Руководство обещало наградить шефа бренда золотыми часами.
— Ага... знаем мы цену этим обещаниям. Обманут, — отозвался тот же голос.
Прокатился смешок.
— Посмотрим, — усмехнулся Кян и поднял ладонь.
Мгновенно воцарилась тишина.
— О планах на ноябрь.
Он подошёл к доске, стёр цифры октября и размашисто вывел новые.
Когда он отошёл в сторону, в графе «План» толстыми линиями чернело: 2 200 000.
— Но это же... — выдохнул кто-то.
— Правило никто не отменял: каждый месяц делать на десять процентов больше, чем в предыдущем, — жёстко отрезал Кян. — Всё, за работу.
Он провёл взглядом по рядам, отыскал меня.
— Роман, подойди ко мне.

Менеджеры возвращались к рутине. Я прошёл в сектор Кяна и сел напротив.
Он посмотрел на меня долгим взглядом.
— Я послушал твои разговоры с клиентами, — начал он. — Тебе верят. А это ключевой фактор в нашей работе.
Помолчал и добавил:
— Ты можешь делать большие деньги. Если, конечно, захочешь.
Он вопросительно посмотрел на меня.
Я кивнул:
— Хочу.

— Хорошо. Помни: в компании есть возможность построить карьеру и вне Retention. Главное — безусловная преданность.

— Понятно.

— Вопросы есть?

— Пока нет.

Он поднял голову и крикнул:

— Алина! Ксана!

— Да, шеф! — отозвались два женских голоса.

— Роману — учётные записи. Подключение к CRM, мессенджерам и почте.

— Будет сделано.

Он повернулся к монитору перед собой:

— Алина и Ксана — мои глаза и уши. Включайся в процесс. Испытательный срок — три месяца. Свободен.

«Глаза и уши» Кяна сидели за сдвоенным рабочим местом перед четырьмя большими мониторами. Им было около двадцати пяти. Невысокие, крепкого телосложения, с волосами до лопаток у обеих. Алина — сероглазая шатенка, Ксана — кареглазая брюнетка.

Алина не пользовалась косметикой и предпочитала брутальный стиль: свитера грубой вязки, джинсы и чёрные кожаные ботинки на высокой подошве. Ксана выбирала противоположное — накладные ресницы, ярко-красная помада, подчёркнутая женственность.

Когда-то они жили вместе. Теперь — сближались с теми, кто только начинал карьеру в продажах, оказывали им поддержку и покровительство.

В их дуэте доминировала Алина: сдержанная, сильная, прямолинейная — настоящее продолжение воли и власти своего шефа.

— Не дай Бог попасть к ней в немилость, — поговаривали о ней. — Подставит — и добьётся увольнения.

Алина лично решала, кому доставались так называемые new — клиенты, сделавшие FTD на Sales Desk и переданные в Retention.

— Как только начнёшь работать по-серьёзному, советую наладить с ней деловые отношения, — сказал позже Вильям.

— Что ты имеешь в виду?

— Между Балканами и Канадой есть большая разница, — он изобразил пальцами жест «деньги». — Я плачу ей пятьдесят долларов за каждого клиента и кусок от бонуса — десять процентов, если человек оставит серьёзные суммы.

— О, Роман! Ты с нами! — раздался за спиной голос, и крепкая ладонь хлопнула меня по плечу.

Я обернулся. Передо мной стоял улыбающийся Никита.

В оранжевой куртке, ярких штанах и жёлтых ботинках он ярким пятном выделялся на фоне остальных.

— И как тебе мой стиль? — он обвёл себя рукой.

— Впечатляет. Похоже, ты неплохо зарабатываешь.

— Ещё как! Скоро стану самым богатым на этой территории! — он громко рассмеялся.

— Никита. Почему тебя не было на инструктаже? — раздался голос Кяна.

Никита едва заметно замаялся:

— Ну... вчера поздно ушёл. Кажется, в десять. Или позже.

— Не ври. Алина сказала, что ты ушёл в восемь.

Алина выглянула из-за монитора и молча кивнула.

— Но я же перевыполняю план! — Никита развёл руками.

Кян слегка прищурился.

— Чтобы в последний раз, — произнёс он тоном, не оставляющим сомнений.

— Такие, как Никита, не меняются, — скептически хмыкнул Вильям. — Подсаживайся, расскажу, как мы тут работаем.

— Главное в нашем деле — установить глубокие доверительные отношения с клиентом, — начал он. — Тогда ты сможешь делать с ним и его деньгами всё, что захочешь.

— Как это сделать?

— Не спешить. Продвигаться шаг за шагом. Спугнёшь — и всё кончено.

Он ненадолго замолчал.

— Первым делом необходимо создать убедительный образ успешного профессионала в области финансов. Нужна красивая история и солидная фотография в соцсетях, включая профессиональные.

— И ты просто выложил своё фото? — я пожал плечами.

— Конечно, чужое, — коротко кивнул Вильям. — Взял за основу образ известного коуча. Изменил с помощью ИИ. Когда я разговариваю с клиентом, он видит на экране, как виртуальный William Bradley двигает губами в такт моим словам.

— И это никого не настораживает?

— Бывают небольшие затруднения. Но тогда я просто говорю, что это проблемы со связью. Если кто-то обращает внимание на акцент — объясняю, что родился и вырос в семье американцев на Ближнем Востоке. Главное — уверенность в голосе. Тогда поверят во что угодно.

— Понятно. Но объясни: как люди расстаются с такими суммами?

— Жадность и страх — наши союзники. Я вовлекаю каждого нового клиента в трейдинг, создаю ему иллюзию дохода. Не тех пятидесяти или ста долларов, что он инвестировал...

— Как иллюзию? Это не реальный трейдинг?

Вильям усмехнулся.

— Не будь наивным. Счета клиентов и числа, которые они видят, — всё блеф, — он указал на монитор. — Эти деньги давно проедены: бонусы нам, остальное — шефам, хозяевам, крыше.

— Но это же... — вырвалось у меня, но, спохватившись, я закончил фразу мысленно: мошенничество.

— ...искусство, — произнёс я вслух.

— Ага, — задумчиво сказал Вильям и потянулся за наушниками.

— Сейчас у меня будет видеочат. Слушай и учись.

Он открыл карточку клиента.

— Канадец, внёс сто долларов, семьдесят лет, пенсионер... — он просматривал данные. — То, что надо.

Вильям набрал номер.

После нескольких гудков на экране появилось лицо седовласого мужчины.

— Добрый день, Роберт. Вы вчера открыли счёт в нашей компании. Я финансовый менеджер, звоню из нашего офиса в Лондоне, — вкрадчивым голосом начал Вильям.

— Здравствуйте, Вильям. Как там погода?

Вильям мельком глянул на виджет «Погода в Лондоне».

— Дожди...

Перекинувшись парой фраз о погоде и о том, что раньше всё было лучше, он перешёл к делу:

— Начнём делать деньги. Готовы приступить к торговой сессии?

— Да... но я не представляю, какими акциями, валютами... криптовалютой торговать.

— Не проблема. Моя задача — помочь вам заработать. Расслабьтесь и доверьтесь мне. Сначала подключитесь к торговой платформе.

Роберт следовал инструкциям, и через минуту на его экране замелькали цифры и графики.

— Готов.

Интонация Вильяма стала деловой:

— Торговая сессия дублируется на моём экране. Баланс позволяет купить шесть акций компании XYZ. Нажмёте “Buy” по моей команде.

Лицо клиента застыло, палец завис над мышью.

— Жмите! — скомандовал Вильям.

Клик.

— Отлично! Вошли по очень хорошей цене, — спокойным тоном прокомментировал он.

И совсем тихо, мне:

— Цена не имеет значения. Нарисуем сколько надо.

Он говорил с Робертом о колебаниях графика и через несколько минут изменил данные в соседнем окне.

«Прибыль» начала расти.

— Видите? Уже идёт вверх.

Они поговорили о мировых фондовых рынках, и Вильям осторожно спросил о семье.

Сначала Роберт отвечал из вежливости, но постепенно разговорился и за полчаса рассказал несколько личных историй. Всё его внимание было приковано к графикам. Вильям фиксировал услышанное и продолжал увеличивать «прибыль».

Узнав всё, что было нужно, Вильям произнёс:

— Будем фиксировать. Приготовьтесь нажать “Sell”.

Роберт заколебался.

— Сейчас. Жмите! — резко бросил Вильям.

Через секунду снова:

— Жмите!

Всё замерло.

В графе «Прибыль» — 45 долларов.

Вильям подмигнул мне.

— Ну как? — произнёс в микрофон.

— Неплохо. Сорок пять процентов меньше чем за час, — чуть смутившись, ответил Роберт.

— Представьте, сколько бы вы заработали, будь на счёте хотя бы тысяч двадцать.

— Да... я подумаю день-другой.

Отключившись, Вильям откинулся в кресле:

— Видел его лицо? Теперь он будет мучиться: «Если бы вложил больше — положил бы в карман несколько тысяч. Депозит в банке даёт копейки, банкиры делают на моих деньгах миллионы, а мне — крошки со стола». В итоге жадность сделает своё дело.

— Мда... — протянул я.

— Помнишь научный фильм про шимпанзе? Нажми кнопку — получи банан. Я вырабатываю у них рефлекс — без сомнений следовать моим командам и не сопротивляться. Потом однажды они сами отдают мне всё. Или предоставляют доступ к счетам. И когда видят, как я забираю с них деньги, — молча наблюдают, не в силах возразить.

Вильям улыбнулся.

Затем затянулся вейпом, выпустил облако мятного пара и проследил, как оно поднялось к потолку.

— Как-то раз одному австралийцу я сделал из воздуха тридцать тысяч при тысяче на его счёт.

— Как это? — переспросил я.

— Нарисовал кредит. Он плакал от счастья, открыл шампанское, рассказывал, на что потратит. И перевёл сорок тысяч. Люди — дураки. Наша работа — делать на этом капитал.

Он улыбнулся:

— Нравится?

— Фантастика. А как ты сделал Роберту прибыль?

— Видишь это окно? — он навёл курсор. — Это PumaTS — программа управления доходностью. Меняешь цену покупки — управляешь результатом. Всё внимание клиента на графиках и «прибыли». Цену покупки никто не помнит.

Он хотел что-то добавить, но на экране вспыхнул входящий вызов.

Вильям глянул на номер, ухмыльнулся:

— Деньги сами идут в руки.

И, прежде чем нажать «Ответить», добавил:

— Вечером идём на вечеринку — будем праздновать рекордный результат.

На моём столе лежала распечатка с логинами и новый email под моим stage-name.

Я подключался к сервисам, пытаюсь осознать увиденное.

Мошенничество здесь доведено до уровня искусства.

Всё делается элегантно: жертвы сами отдают деньги — без пистолета у виска.

И когда кто-то всё-таки обращается в полицию, там просто разводят руками.

Этих ребят голыми руками не возьмёшь.

— А! Вот он кто такой, Роман, — раздался нежный голосок с рабочего места напротив.

Я поднял взгляд — поверх монитора на меня смотрели красивые голубые глаза.

Шведка. Настоящее имя — Джессика, в Retention её называли Саманта.

Ей чуть меньше тридцати пяти.

Высокая, эффектная блондинка, типаж bimbo: крупная грудь, мини-юбки, короткие жакеты, ярко очерченные губы.

Она знала себе цену и пользовалась телом как оружием — открыто, без стеснения.

Десять лет назад Джессика приехала в Монтрё, на берегу Женевского озера, к престарелому любовнику — владельцу агентства недвижимости.

Он сделал её директором своей компании.

Через год она исчезла — вместе с миллионом франков клиентских авансов.

Ещё через год её нашли в США, куда Швейцария направила запрос на экстрадицию.

Но Джессика уже успела выйти замуж за американца на тридцать лет старше.

Запрос был отклонён.

А муж вскоре умер, оставив ей небольшое состояние.

Джессика любила красиво жить — и деньги незаметно утекли сквозь пальцы.

В одном из ночных клубов Майами она встретила «знающих людей».

Те подсказали: на Украине бум финансового скама. Быстрые деньги. Минимум риска.

— Привет, — сказал я.

— Привет-привет... — промурчала Саманта. — Вообще-то это я должна была перейти в команду Вильяма. Откуда ты взялся?

— Как будто не в курсе, как сюда попадают.

Она посмотрела на меня с лёгким ехидством.

— Знаю, знаю... На этом месте сидел один. Уже нет. Посмотрим, что получится у тебя.

Похоже, я приобрёл пару внимательных глаз.

Ресторан «Авалон» в самом центре города был излюбленным местом скамерской элиты киевских колл-центров.

Когда-то здесь был ночной клуб, принадлежавший человеку, чьё имя предпочитали не произносить вслух. Теперь — несколько залов с богатым убранством, выставленные бутылки элитного алкоголя и заоблачно высокий ценник в меню.

Когда мы с Вильямом вошли, вечеринка шла полным ходом.

— В понедельник подойдёшь, — заметив меня, бросил Джек, глава Retention.

Джек — гражданин США и Израиля. Коротко стриженный брюнет лет тридцати, среднего роста, с южным загаром и военной выправкой. Холодный взгляд человека, привыкшего командовать.

За плечами — девять лет опыта в скам-индустрии: Израиль, Кипр, Болгария, Сербия.

Виски и вино лились без счёта, и разговоры быстро свернули в привычное — кто сколько «забрал» и что клиенты — «идиоты и сами виноваты».

К нашему столику подсел Марко, тимлид Итальянского Retention — невысокий, кучерявый, круглолицый итальянец лет двадцати. Он старался выглядеть старше своего возраста и тратил немалые суммы на брендовую одежду, алкоголь и проституток. На шее — татуировка 30.12.1970, набитая зеркально. На вопросы о её значении неизменно отвечал молчанием.

— Ну что, парни, может, снимем девочек и двинем в отель? Погуляем по-настоящему!

— Я женат, — отрезал Вильям.

— А ты, Роман?

— У меня девушка.

— Скучные вы, — хмыкнул Марко и пошёл искать компанию для приключений.

Послышались всхлипывания, через пару секунд перешедшие в рыдания.

Все притихли и повернули головы.

Анна, тридцатилетняя финка из Немецкого Retention, закрыв лицо руками, рыдала навзрыд.

— Не обращай внимания. Она всегда такая, когда выпьет, — махнул рукой Вильям.

Саманта подошла, мягко обняла подругу за плечи и увела «проветриться».

Про Анну говорили, что за её плечами пять лет в элитном эскорт-сервисе в Австрии, Германии и Швейцарии.

По ночам её преследовали кошмары, и только алкоголь и оргии приносили ей покой.

В кармане завибрировал телефон, вернув меня к реальности.

На экране высветилось: «Тоня».

— Ты где? — раздался её голос на фоне музыки.

— Гуляю с новой командой.

— Мы в Caribbean Club. Тут всякие лезут знакомиться. Приезжай, спасай! — хихикнула она.

— Минут через тридцать буду.

Я махнул всем и направился к выходу — вызывать такси.

Загорелая певица в красном на сцене клуба исполняла кубинский мотив.

Пары на танцполе двигались в ритме сальсы.

Я всмотрелся в полумрак.

Где её искать?

Тёплые ладони сзади закрыли мне глаза.

— Угадай, кто? — прошептала Тоня у самого уха.

— Ммм... самая красивая и...

— Угадал, угадал! Хочу танцевать. Даже не подумай сопротивляться.

Я повернулся — её рука легла мне на плечо.

— Расслабься. Почувствуй меня. Я буду вести — и всё получится. И-и-и... вот так.
Она двинулась — и я пошёл за ней.

Луч прожектора скользнул по её плечам и вспыхнул в глазах.

Я вздрогнул от прикосновения её волос.

На последнем аккорде я обнял Тоню.

— Может, потом ко мне?

— Не-е... давай сегодня побудем паиньками. Пьём, танцуем, а потом ты меня проводишь.

Угу? — улыбнулась она.

Я задержал взгляд на её губах и едва заметно кивнул.

— Пойдём к нашим, — она потянула меня за собой.

Подходя к столам с бокалами, за которыми отдыхали менеджеры с Sales Desk, я услышал колкую реплику в свой адрес.

Её автор, поймав мой взгляд, принялся копаться в телефоне.

Через пару часов я отвёз Тонию домой — и поехал к себе.

Утром, собрав волю в кулак, пошёл в зал бокса.

Отзанимавшись два часа в группе, остался колотить потрескавшийся от времени кожаный мешок.

Минута работы — минута отдыха.

Каждый удар отдавался в запястьях и плечах.

На последнем раунде дыхание рвалось наружу, будто грудную клетку стянули металлическим обручем.

Закончив, лёг на пол. Сквозняк раскачивал потолочную лампу на проводе.

Из раздевалки доносились голоса.

И что теперь делать с пониманием того, что бизнес MILTON — инвестиционное мошенничество?

Заткнуться и уволиться?

Потом возненавижу себя за малодушие.

Полиция?

Да... это единственный реальный вариант.

Что ж... для начала займусь сбором информации.

— Роман, через пятнадцать минут закрываю зал, — эхом отозвался голос тренера.

Я вскочил.

— Иду.

В понедельник я подошёл к Джеку.

Он нехотя оторвался от отчётов:

— Присаживайся.

Равнодушно смерил меня взглядом:

— Начнёшь с Recovery, как все новички.

— Что это такое?

— Будешь убеждать раскошелиться тех, кто уже заплатил нам значительные суммы и по какой-то причине перестал.

— Это вообще возможно? — удивился я.

Джек чуть усмехнулся:

— Ещё как. Есть простое правило. Если человек, потерявший деньги, слушает обещания их вернуть и вступает в разговор — он заплатит снова. Не огромные суммы, но тридцать—сорок тысяч в месяц собрать — легко. Есть такие, кто годами сидят на этой теме, круто зарабатывают и даже не думают менять профиль.

— Видишь ту сладкую парочку? — он кивнул в сторону.

Я посмотрел туда. Перед экраном с письмом с логотипом Interpol сидели двое — Лиам и Ханна.

Внешне почти одинаковые: невысокие, округлые, в серых свитерах, сдержанные лица.

Он — ирландец, выпускник технического университета в Дублине. Пару лет работал в Брюсселе, пока не понял, где настоящие деньги.

Она — австрийка из Граца, дизайнер по образованию.

— У этих свой метод. Рассылают по несколько тысяч сообщений от банков и криптобирж, — продолжал Джек. — «Остаток на вашем счёте такой-то. Для разблокировки оплатите тысячу долларов». Собирают на двоих сотню тысяч в месяц.

Он чуть заметно улыбнулся, глядя на них:

— И вообще... таланты. Делают документы так, что не отличишь от настоящих — даже с цифровыми подписями.

Я посмотрел на их руки — спокойные, точные, как у хирургов.

— Лиам, Ханна! — окликнул Джек.

Те повернулись — блеснули круглые стёкла очков.

— Скиньте Роману на рабочий стол ваши продукты.

Не меняясь в лице, они молча кивнули и вернулись к делу.

Джек усмехнулся:

— Могли бы легально работать в кибербезопасности. Но здесь — на порядок больше, наличными и без налогов.

— Нужен звонок клиенту из службы безопасности Barclays Bank! — раздался голос Анны.

— Через минуту, — откликнулся он.

Повернулся ко мне:

— Давай, Роман. На твой email скинули пару сотен линков с записями переговоров — слушай и учись.

Он протянул два листа, скреплённых красным алюминиевым уголком:

— Изучи внимательно и используй в работе.

Это был скрипт под названием «Алгоритм удержания: региональные стратегии».

Скандинавия.

Холодные, осторожные. Верят в порядок и честность систем. В методичке отмечалось: осенью и зимой они особенно разговорчивы и готовы слушать часами.

Тактика — говорить спокойно, без нажима:

«Мы понимаем, что вы чувствуете. Всё можно исправить. Ваш счёт жив, просто нужно активировать вывод».

Доверие строится на «северной» вежливости. Никаких громких обещаний — только факты и участие.

Германия, Австрия, Швейцария.

Рациональные. Любят точность и аргументы.

Им показывают «документы»: отчёты, графики, скриншоты отчётности. В ход идут слова: «регистрация», «лицензия», «банковский аудит».

Эмоциям они не верят — верят структуре.

Важно — звучать официально.

Великобритания и Австралия.

Скептики, упрямые, не любящие проигрывать. Если догадываются, что их обманули, не спешат признать поражение.

Тактика — апелляция к самолюбию:

«Вы умный человек. Никто не разобрался бы так быстро. Но чтобы закончить всё правильно, нужен ещё один шаг».

Нужно сделать его соавтором «спасения».

США и Канада.

Опытные, требовательные, привыкшие к юридической защите.

С ними работают через имитацию профессионализма:

«Мы действуем в рамках законодательства. Мы — ваш персональный финансовый советник».

Здесь не дают — внушают. Клиенту дают ощущение статуса:

«Вы инвестор, не жертва».

И тогда он снова готов платить — за собственное достоинство.

Южная Европа.

Испания, Италия, Греция. Их берут теплом, почти дружбой.

Важны эмоции:

«Друзья не бросают в беде. Я помогу. Обещаю».

Голос чуть громче, чуть теплее — и человек уже не просто клиент, а собеседник.

Люди старшего поколения из Восточной Европы.

Те, кто поверил в «Европейскую мечту».

Здесь работают на жалость:

«Вы хороший человек. Вы не заслужили этого. Мы всё исправим, клянусь».

Никаких гарантий — только сочувствие.

Каждый сценарий выверен: где говорить медленно, где ускориться, когда делать паузу. Всё просчитано — до последнего вздоха клиента.

Пока он верит, что деньги можно вернуть — он управляем. Пока остаётся надежда — можно тянуть.

Тысячи таких разговоров — каждый день. Сотни тысяч обманутых, которые ещё вчера клялись, что больше никогда не поверят.

Внизу страницы — пометка красным:

«Главное — говорить уверенно».

Я сел за компьютер и принялся прослушивать записи «образцовых разговоров» тех, кто работал на Recovery.

...ваш финансовый менеджер вчера уволен. По его вине зависли ваши средства. Я могу вернуть их. Оплатите комиссию — пять тысяч, и уже сегодня...

...компания, в которую вы инвестировали, проходит процедуру банкротства. Я занимаюсь возвратом средств. Стоимость услуг — три тысячи...

...звоню из HMRC, налоговой службы Великобритании. Ваши средства заблокированы до уплаты налога — десять тысяч...

...я адвокат. Ваше имя в списках пострадавших от мошенничества...

...я сотрудник департамента транзакций банка...

...на вашем счёте нашей криптовалютной биржи обнаружился остаток...

Им, потерявшим почти все сбережения и оказавшимся на грани, продавали иллюзию надежды.

Они занимали у родственников и знакомых, продавали последнее имущество.

И, будто под гипнозом, платили — иногда по несколько раз.

Никто из них не получил ни цента.

Пламя паники из-за утечки данных, вспыхнувшее несколько дней назад на Sales, добралось наконец и до Retention.

Послышались приглушённые голоса:

— Работать в MILTON стало токсично... надо валить.

Некоторые принялись рассылать резюме HR конкурентных скамов.

Саманта демонстративно бросила на стол Кяна заявление об увольнении.

— Моя работа — нести деньги! Ваша — защищать меня!

Марго, белая от ужаса, смотрела в пустоту.

— Конец... — бормотала она, глотая водку из сиреневой фляжки. — Они меня найдут и убьют.

Кян метался по офису.

— Всё нормально, как всегда! Всем успокоиться и работать!

Но слова не действовали.

Он схватил телефон и, набирая номер на ходу, выскочил из помещения.

Вернулся минут через десять.

За ним проследовал невзрачный сухощавый мужчина лет сорока с лёгким шлейфом парфюма с табачной ноткой.

Нико.

Один из топ-менеджеров MILTON. Он курировал операции нелегального кредитования под космические проценты, выбивание долгов и «решение проблем». За спиной — тюремные сроки и участие в тёмных международных схемах.

— Что за бунт? — резко бросил он. — Кто зачинщик?

— Вы нас предали! — взвизгнула Саманта. — И я...

— Заткнись! — Нико вскинул руку.

Саманта застыла с открытым ртом.

Офис затих, как перед грозой.

— Все успокоились? — уже спокойным голосом произнёс Нико. — Теперь слушайте. Произошла нелепая случайность. Мы со всем разберёмся и жёстко накажем виновных.

Он помолчал.

— То, что я скажу, не стоит болтать на каждом перекрёстке. У нас крыша на самом высоком политическом уровне, — Нико поднял палец. — Каждый из вас под защитой. Работайте и спите спокойно.

На губах Саманты застыла улыбка — она смотрела на Нико почти с обожанием.

— Кроме воров и предателей, — его голос стал твёрже. — Две недели назад служба безопасности обнаружила, что двое с Retention украли у компании деньги.

Прокатился глухой шёпот.

— Они давали клиентам личные криптокошельки. В итоге пятьдесят тысяч долларов ушли им в карман. Наши друзья из полиции задержали эту парочку и передали нам. Пришлось наказать. Для начала поставили к стене и стреляли над головой — чтобы почувствовали. Могли и ниже.

Кто-то закашлялся.

Марго нервно теребила провод мышки.

Марко, который обычно шутил всегда, теперь отстранённо смотрел в окно.

— Потом устроили их работать пожизненно уборщиками. Повесили на каждого по сто тысяч долларов долга — чтобы другим было понятно, что бывает с теми, кто крадёт у MILTON.

— Легко отделались, — пробормотал Макс. — В марте одного охрана вынесла в гараж. С тех пор его никто не видел...

Нико улыбнулся.

— И ещё, — продолжил он. — Руководство обращается к каждому из вас: если кто-то сомневается в чьей-то благонадёжности, вне зависимости от должности, — сообщайте немедленно. Отблагодарим... наличкой.

Телефон на одном из столов коротко пискнул и затих.

— А помнишь, как мы тебя вытащили, когда тебя задержала криптополиция? — неожиданно бросил Нико Кяну.

Тот побледнел и сглотнул.

— Да.

— Вот то-то и оно. Мы не оставляем своих в беде.

Нико заложил руки в карманы брюк.

— Ну всё... хватит бездельничать! За работу!

Он направился к выходу.

Проходя мимо Саманты, мигнул ей:

— Зайди ко мне.

Саманта вернулась через час — с надменно-загадочным видом, поправляя чёлку.

Кян бросал на неё настороженные взгляды.

«Убедительное» выступление Нико вселило в команду ложный оптимизм.

На лицах появились улыбки — всё постепенно возвращалось к привычному ритму.

Примерно через час раздался глухой удар в дверь — створка распахнулась и хлётко врезалась в стену.

В проёме появились двое громил: один с бронещитом, второй — с «Узи» через плечо.

— Телохранители... — сдавленно прошептал кто-то.

Послышался тяжёлый стук каблуков.

Вошёл круглолицый, крупный мужчина среднего роста. За ним — третий громила, с автоматом Калашникова наперевес.

Все вскочили.

Белая чашка со стола Джека с дребезгом рухнула на пол, расплескав кофейную кляксу.

Кян, будто сразу став ниже ростом, бросился к вошедшему с протянутой рукой:

— Давид!.. — просипел он. — Мы так рады тебя видеть.

Давиду было около сорока.

Тёмно-синий костюм поверх белоснежной рубашки без галстука.

На левой руке — перстень с бриллиантом размером с лесной орех.

В двенадцать лет он вместе с матерью переехал из родной Грузии в Израиль.

Живя в бедных кварталах Тель-Авива, с юношеских лет занимался ссуживанием денег под тюремный залог.

Быстро вписался в криминальную среду, которая и вывела его в MILTON.

Теперь Давид — гражданин десятка стран и официально «гений финтех».

Один из тех, кто принимает решения.

Он отвечал за связи MILTON с государственными чиновниками и криминалом.

Вокруг себя он намеренно создавал ореол загадочности.

Никто не знал, кто он на самом деле: Моссад? ЦРУ? ФСБ? Мафия? Или всё сразу.

— Ага! Не ждали папочку? — расхохотался он, не замечая Кяна.

Прозвище «Папа MILTON GROUP» Давид придумал сам — и обожал, когда его так называли.

Он улыбнулся. Губы растянулись, обнажив крупные зубы.

Улыбка — как у мясника, выбирающего барана на шашлыки.

— Прежде всего поздравляю всех с рекордным результатом в октябре!

Давид размахисто хлопнул Кяна по спине. Тот едва устоял на ногах.

— Этот год — знаковый. Мы перевалили за триста миллионов.

Охранники надменно ухмылялись.

Давид продолжал улыбаться.

— Я слышал, тут были недовольства.

Он повернулся к Кяну:

— А?

Тот неловко пожал плечами:

— Было... недоразумение. Нико заходил. Всё улажено, Давид.

— Угу, — кивнул Давид, медленно оглядывая всех. — Может, кто-то хочет высказаться?

Он прошёлся полукругом к окну и остановился, глядя вдаль.

— Не бойтесь, — добавил он, стоя ко всем спиной.

Сидевший на отливке за окном голубь тревожно шевельнул оранжевым глазом.

— Га!

Давид резко хлопнул ладонями по стеклу.

Царапнув лапами металл, птица взмыла вверх.

Стояла мёртвая тишина. Было слышно, как кто-то говорит в соседнем помещении.

— Ну что ж... вижу, всем всё понятно, — произнёс Давид.

Он повернулся — идеально выбритая голова блеснула под лампами.

— Я знал, что у нас работают умные люди.

Когда дверь за Давидом и его людьми захлопнулась, казалось, дух «папочки» всё ещё витал по комнате.

Все стояли, как парализованные.

Голос Кяна вернул в реальность:

— Всем сдать личные SIM-карты и получить корпоративные.

Поднялся ропот:

— Моя собственность...

— Будут контролировать разговоры...

Кян повысил голос:

— Для вашей же безопасности!

Откуда-то бросили:

— Знаем мы вашу безопасность... как с теми двумя.

Кян не отреагировал и продолжил:

— До конца недели предоставить документы, подтверждающие адрес проживания — договоры аренды и счета за коммуналку.

Вечером все потянулись в салоны связи — восстанавливать «утерянные» номера.

Колёса такси шелестели по мокрому асфальту.

Прохожие в свете ночных фонарей мелькали безликими тенями.

В салоне пахло табачным дымом; водитель без конца что-то бубнил себе под нос.

Мысли давили. Затея со сбором улик перестала казаться безобидным приключением.

Может, выйти на полицию в странах, где живут жертвы?

Мало шансов, что сработает. Или, того хуже, переправят информацию украинским коллегам. А те...

Нет.

Надо действовать через журналистов.

Со следующего дня охрану офиса усилили — у входа дежурил полицейский пост.

Когда к дверям неуверенной походкой приблизился мужчина лет восьмидесяти в длинном бежевом пальто, полицейский насупился:

— Куда?

Старик смутился, заморгал белёсыми глазами.

— Я прочитал, что здесь находится MILTON. Как попасть внутрь?

— Что тебе там надо? — огрызнулся полицейский.

— Хочу попросить вернуть деньги...

Офицер положил руку на автомат.

— Иди отсюда! Не нарушай порядок!

Старик испуганно вздрогнул, лоб прорезала глубокая складка.

Сделав несколько шагов назад, он остановился.

Плечи мелко вздрагивали — он беззвучно плакал.

Холодный дождь лил на седую голову.

Капли текли по морщинам лица.

Спешившие офис сотрудники бросали на старика безразличные взгляды.

— Кто это? — спросил один другого.

— Безумный старик, — ответил тот, не оборачиваясь.

Рабочий день набирал обороты: пока одни ещё тянули кофе, другие уже вовсю разговаривали с клиентами.

Вильям давал мне урок — «как работать с новыми клиентами и использовать инструменты».

— Эрик С., Швеция, — зачитывал он данные с карточки клиента в CRM. — Адреса нет... Не проблема: есть номер мобильного телефона, значит, сможем копнуть поглубже.

Он открыл поисковик и принялся стучать по клавишам. Появились результаты.

— А вот и адрес, — ухмыльнулся Вильям. — Город Буден на севере, улица XXX, дом X. Возраст — семьдесят пять. Есть надежда, что у него есть сбережения.

— И что это даёт? — спросил я.

Вильям взглянул на меня:

— Можно зайти в Google Maps и посмотреть, где он живёт. Если это частный дом, то, скорее всего, его собственность.

Он понизил голос:

— А мой контакт в Швеции проверит кадастровую стоимость и скажет, есть ли у него долги. Этого достаточно, чтобы понять, сколько с него можно взять. А я, если понадобится, помогу оформить кредит.

— Это легально?

Вильям рассмеялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.